

Милосердное правление

Примечательной особенностью правления Елизаветы Петровны стало ее отношение к смертной казни, которая в предшествующие царствования широко практиковалась в свойственных средневековью диких и мучительных формах, включая сажание на кол, колесование и четвертование. При Петре I и Анне Ивановне казнь была почти обыденным явлением и полагалась даже за небольшие преступления, например за укрывательство беглых солдат. Тенденцию к преодолению этих варварских порядков можно заметить в короткое регентство Анны Леопольдовны, целенаправленно заменявшей смертные приговоры другими наказаниями. Однако никаких мер по законодательному урегулированию этого вопроса ею принято не было.

Свергая милосердную правительницу, религиозная Елизавета Петровна сочла необходимым засвидетельствовать перед Богом свои не менее гуманные намерения. В решительную минуту накануне захвата власти она дала торжественный обет «никого не казнить смертью». Однако на практике императрица подошла к этой проблеме довольно своеобразно, проявляя милосердие в известных пределах и не торопясь принимать радикальные решения.

Важным событием начала царствования стал процесс по делу А.И. Остермана, Б.Х. Миниха, Г.И. Головкина, К.Р. Левенвольде, К.Л. Менгдена и других «государственных преступников». Для расследования их «вредительных поступков» была создана специальная комиссия, заседавшая в одном из покоев императорского дворца. Елизавета Петровна проявляла к следствию живейший интерес и, находясь за перегородкой, могла все видеть и слышать и даже при необходимости давать тайные указания секретарю комиссии. Особого внимания императрицы удостоился ненавистный ей Остерман, на допросе которого она присутствовала официально. Основное обвинение в его адрес заключалось в том, что он после смерти Петра II якобы скрыл «завещание» Екатерины I с целью недопущения Елизаветы Петровны к престолонаследию. Миних обвинялся в «самовольной перемене правления» и передаче власти Анне Леопольдовне, а Остерман, Головкин и другие – в поддержке этого переворота, а также в обсуждении планов провозглашения регентши императрицей и распространения прав престолонаследия на ее дочерей. Прочие обвинения в адрес подсудимых носили мелочный или надуманный характер.

Генеральный суд постановил Остермана колесовать, Миниха четвертовать, а остальным отсечь головы. Семнадцатого января 1742 года жителей Петербурга с барабанным боем оповестили о назначенной на следующий день казни. Утром 18 января осужденных доставили из Петропавловской крепости к эшафоту на Васильевском острове. Остерман как «главный преступник» первым приготовился к казни. После зачтения приговора палач положил его голову на плаху, но в этот момент сенатский секретарь объявил: «Бог и государыня даруют тебе жизнь». Остальным осужденным помилование было объявлено

без возведения на эшафот. Необычный поворот событий вызвал волнение собравшейся на площади толпы, успокаивать которую пришлось при помощи солдат.

Казнь осужденных императрица заменила ссылкой в различные города Сибири. Остерман был отправлен в Березов, а Миних – в Пелым, то есть именно в те места, куда благодаря усилиям первого из них попал Меншиков, а второго – Бирон. Вероятно, в глазах Елизаветы это символизировало справедливое возмездие. Бирон из Пелыма был переведен в Ярославль, где мог пользоваться относительной свободой.

«Дарование жизни» осужденным вельможам явилось первым шагом Елизаветы Петровны в исполнении данного ею обета. Однако в деле всеобщей отмены смертной казни она продвигалась медленно и осторожно. Пятнадцатого декабря 1741 года императрица приняла указ о широкой амнистии, которая, однако, не была распространена на государственных преступников, «смертных убийцов и похитителей многой казны государственной». Тринадцатого марта 1742 года Елизавета предписала фельдмаршалу П.П. Ласси «для пресечения из наших границ в шведскую сторону перебежества» опубликовать указ, «что, ежели из наших подданных такой перебежчик поймается, то без всякого упущения смертью казнен быть имеет». Действие этого единственного акта Елизаветы Петровны, допускавшего применение смертной казни, прекратилось в следующем году в связи с заключением мира между Россией и Швецией.

Летом 1742 года был раскрыт авантюристический заговор камер-лакея А. Турчанинова, прапорщика Преображенского полка П. Квашнина и сержанта Измайловского полка И. Сновидова, которые намеревались, убив Елизавету Петровну и ее племянника, вернуть престол Ивану Антоновичу при регентстве Анны Леопольдовны. «Злоумышление» на жизнь монарха считалось тягчайшим государственным преступлением и каралось в предшествующие времена наиболее изощренными казнями. Но Елизавета и в данном случае не нарушила обет: заговорщики были наказаны кнутом и сосланы в Сибирь, а Турчанинову как руководителю заговора вырезали язык и ноздри.

Вероятно, императрица не отнеслась слишком серьезно к заведомо нереальным планам троих злоумышленников с невысоким социальным положением. Гораздо более шумным стало раскрытое в следующем году дело Лопухиных – Ботта. Елизавету Петровну весьма обеспокоила причастность к этому делу лиц, связанных с сосланными ею вельможами: А.Г. Бестужева-Рюмина была дочерью Г.И. Головкина, а Н.Ф. Лопухина являлась любовницей Р.Г. Левенвольде вплоть до его ареста. По справедливому замечанию П.И. Панина, мнимый заговор Лопухиных заключался «в пустых разговорах двух недовольных барынь и в нескромных речах сына одной из них». Криминал можно было обнаружить лишь в пьяной болтовне И.С. Лопухина о том, что «через несколько месяцев будет перемена» и «принцу Иоанну недолго быть сверженну», а также в его непочтительных отзывах о Елизавете Петровне, которая «в Царское Село со всякими непотребными людьми ездит, англицким пивом напивается».

Двадцать пятого июля 1743 года началось следствие, проводившееся с применением пыток. Императрицу и следователей особенно интересовали факты о связях подозреваемых с австрийским послом Ботта-Адорно. Распоряжения Елизаветы по поводу Лопухиных и связанных с ними лиц обнаруживают обычно несвойственную ей жестокость. Привлеченная к делу Софья Лилиенфельд была беременна, и следователи не знали, нужно ли устраивать ей очную ставку с оговоренными ею людьми. Императрица решила вопрос собственноручной запиской в Канцелярию тайных розыскных дел: «Надлежит их в крепость всех взять и очную ставку производить, несмотря на ее болезнь, понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутоф и наипаче жалеть не для чего, лучше, чтоб и век их не слышать, нежели еще от них плодоф ждать».

В ходе следствия не было получено никаких данных о реальном заговоре, однако Генеральный суд признал, что обвиняемые «явились в важных... касающихся к бунту и измене делах». Девятнадцатого августа суд вынес приговор: Ивана Лопухина и его родителей, а также Анну Бестужеву-Рюмину колесовать, предварительно вырезав им языки Софье Лилиенфельд и приятелю Натальи Лопухиной Александру Зыбину отрубить головы, друга И. Лопухина поручика Ивана Мошкова четвертовать. К делу без достаточных оснований был притянут офицер Семеновского полка князь Иван Путятин, который еще во время регентства Бирона участвовал в движении гвардейцев в пользу брауншвейгской фамилии; он также был приговорен к четвертованию. Двадцать восьмого августа Елизавета Петровна изменила «сентенцию» суда: Лопухиных и Бестужеву-Рюмину высечь кнутом и вырезать им языки, Мошкова и Путятина наказать кнутом, Зыбина – плетьюми. Софью Лилиенфельд императрица указала высечь плетьюми после разрешения ее от бремени. Через три дня состоялась экзекуция, после которой осужденные были отправлены в Сибирь.

Публичное избиение кнутом двух светских дам и вырезание у них языков показалось многим современникам излишне суровой карой. П.И. Панин отмечал, что «жестокое сие наказание, свойственное варварским временам, конечно, не послужит в похвалу государыни, коей великодушие и сострадательность к человечеству с толиким тщанием старались превознести». Необычная для Елизаветы жестокость, проявленная в данном случае, позволяет согласиться с предположением ряда авторов о руководивших ею соображениях женской мести. Говорили, что Н.Ф. Лопухина затмевала своей красотой императрицу. Кроме того, Елизавета испытывала скрытую неприязнь ко всей семье Лопухиных – родственников первой жены своего отца.

Впрочем, приведенный выше отзыв Панина, сделанный, по-видимому, намного позже описанных событий, явился следствием смягчения нравов именно в период елизаветинского правления. Императрица по-прежнему руководствовалась данным ею обетом, но в вопросе об отмене смертной казни действовала медленно и осторожно. По остроумному замечанию С.И. Викторского, в позиции Елизаветы проявилась «чисто женская логика в виде предпочтения достичь своего без открытого и излишнего выступления против

установившихся взглядов». Кроме того, императрица, по-видимому, боялась увеличить число преступлений, «отнявши страх последнего наказания».

Десятого мая 1744 года Елизавета Петровна утвердила доклад Сената «О неотмене смертной казни для воров, разбойников, убийц и делателей фальшивых денег», но распорядилась предоставлять все смертные приговоры на «высочайшее утверждение». Ни один из приговоров не был ею санкционирован; тем самым смертная казнь отменялась не юридически, но фактически.

Таким образом, Елизавета не решила вопрос о смертной казни, а просто закрыла на него глаза. Между тем суды продолжали выносить смертные приговоры, и осужденные накапливались в тюрьмах «до указа». Понадобилось еще девять лет, прежде чем правительство обратилось к императрице для получения исчерпывающих указаний (29 марта 1753 года): «...Экзекуции остановлены и повелено о таких осуждениях докладывать Вашему Императорскому Величеству. – А понеже Ваше Императорское Величество и кроме оного как иностранными, так и внутренними о распорядках государственных и прочих делами высочайшею своею персоною довольно утруждены, к тому ж ежели и о вышеописанных колодниках, а именно о каждом, Вашему Императорскому Величеству от Сената докладывать, то никак время к тому доставать не будет... того ради всеподданейше Сенат просит, не соизволит ли Ваше Императорское Величество высочайший свой указ единожды пожаловать, какое вышеозначенным колодникам наказание чинить». Со своей стороны Сенат предложил такое решение: «не соизволит ли Ваше Императорское Величество повелеть подлежащих к натуральной смертной казни, чиня жестокое наказание кнутом и вырезав ноздри, поставить на лбу В, а на щеках – на одной О, а на другой Р и, заклепав в ножные кандалы, в которых быть им до смерти их, посылать в вечную тяжелую и всегдашнюю работу...» Елизавета Петровна наложила на доклад такую резолюцию: «Быть по сему; токмо женам и детям осужденных в вечную работу или в ссылку и в заточение по силе указа отца нашего 1720 года августа 16 дня давать свободу, кто из них похочет жить в своих приданных деревнях; буде же из таковых жен пожелает которая идти замуж, таковым с соизволения Синода давать свободу, а для пропитания их и детей их давать из недвижимого и движимого мужей их имения указанную часть».

В тот же день был решен еще один затянувшийся вопрос. Одиннадцатого мая 1744 года Елизавета Петровна дала распоряжение Сенату разобраться в значении понятия «политическая смерть» – употребительного приговора начиная с Петровских времен. Сенат после долгого выяснения вопроса пришел к выводу, что «положительных указов о том... не имеется», и 29 марта 1753 года предложил свою трактовку данного понятия. Елизавета согласилась с ней и утвердила сенатский доклад о том, что «политическою смертью должно именовать то, ежели кто положен будет на плаху или взведен будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей или хотя и без всякого наказания токмо вечной ссылкой». Примечательно, что в этом акте не упоминалось о самом существенном моменте карания «политической смертью» в прежние времена, когда осужденному перед ссылкой

давали другое имя и фамилию. Приговоры к «политической смерти» Елизавета Петровна опять же распорядилась представлять в Сенат, не приводя их в исполнение «до указа».

Вопрос об отмене смертной казни казался исчерпанным, но 30 сентября 1754 года Сенат вновь принял указ «смертной экзекуции до рассмотрения... не чинить». Н.Д. Сергеевский резюмировал противоречия в елизаветинском законодательстве следующим образом: «Смертная казнь была вполне отменена; но с точки зрения того времени и тогдашних порядков она была лишь временно приостановлена».

Важно отметить, что в своем стремлении никого «не казнить отнятием жизни» Елизавета Петровна оказалась одинока. Современники называли данный ею обет «безрассудным». Синод выражал готовность освободить ее от этой клятвы, а Сенат одобрил «криминальную» часть нового Уложения, в которой помимо полного набора существовавших прежде варварских «экзекуций» рекомендовалось еще «повешение за ребро» и казнь, еще невиданная в России – «разорвание на части живого человека пятью лошадьми за более важные политические преступления». Елизавета Петровна отказалась утвердить этот закон, появление которого свидетельствовало о наличии элементов средневекового сознания даже у представителей правящей верхушки России.

Но у более просвещенных современников гуманный обет императрицы вызывал восторг. Французский адвокат Марешаль в ноябре 1760 года писал Елизавете: «...Невозможно найти удобных слов для выражения славных Ваших дел. Если великие Государи имеют пребывать в памяти у смертных, то какой Государь заслужил оное больше Вашего Величества. Вы есть одна в свете монархиня, которая нашла средства к Государствованию без пролития крови».

Императрицей предпринимались и другие шаги по преодолению варварских порядков в уголовном праве. В 1751 году были отменены пытки при расследовании корчемных дел, в 1757 году запрещено вырывание ноздрей у преступниц, ссылаемых в Нерчинск, так как «женска пола колодницы из таких отдаленных в Сибири мест и побегов, и воровства чинить не могут». Однако в целом гуманизм елизаветинского царствования не следует преувеличивать: пытки применялись в судебно-следственных учреждениях еще довольно широко, особенно на местах, а оставленные в силе «старинные наказания кнутом, батошьем, ломкою» нередко приводили к смерти истязуемых. В то же время нельзя отрицать, что личная позиция Елизаветы Петровны в отношении казней и «особливых жестокостей» немало способствовала гуманизации сознания общества по крайней мере на уровне его высших слоев.